

Загадки «дворца Марины Мнишек»

В центре Окольного города на Романовой горке ждут крупных реставрационных работ старинные купеческие дома. За четырьмя из них в научной литературе закрепилось название палат Меншиковых, данное Ю. П. Спегальским в капитальном труде «Псковские каменные жилые здания XVII века». Первые палаты Меншиковых (1-й дом Ильи Сутоцкого) примыкают ко вторым палатам (бывшему дому Степана Яковлева, выходящему торцом на Советскую улицу), второй дом Сутоцкого, находящийся напротив входа в первый, именуют четвёртыми палатами Меншиковых. И только третьи палаты Меншиковых (с современным адресом: улица Некрасова, 10 а) имеют более своеобразное дополнительное название: дом Марины Мнишек.

На открытках с видами этого здания псковский фотограф М.И. Герасимов ставил ещё более романтическую надпись: «развалины дворца Марины Мнишек».

Впервые связал её имя с конкретным местом Пскова инспектор и преподаватель церковной истории и археологии духовной семинарии Александр Сергеевич Князев в «Указателе достопамятностей города Пскова», разрешенном к печати цензором Лажечниковым 20 августа 1857 года: «Кому принадлежал дом, которого развалины видны в саду Биниса, тоже достоверно не известно. Есть в Пскове особа, от коей мы лично слышали, что в её фамилии хранилась древнейшая Псковская летопись, в недавнее время затерявшаяся, по сказанию которой этот дом некогда принадлежал какому-то Меньшикову, а еще прежде был квартирою Марины Мнишек, во время трёхдневного её пребывания в Пскове, по убиении Гришки Отрепьева. Устное предание говорит, что все описанные дома первоначально принадле-

жали одному какому-то богатому купцу, - все вместе перешли потом и во владение Меньшикова.» Такое утверждение оказалось достаточным, чтобы легенда о дворце Марины Мнишек утвердилась на века.

Летом 1860 года в сопровождении Князева Псков осматривал граф Михаил Владимирович Толстой. Уже к концу году он завершил обширный труд «Святыни и древности Пскова». Ссылаясь на «Указатель» Князева, граф Толстой более эмоционально передал свои впечатления: «В саду барона Медема красуются величественные развалины древнего дома, о котором нет достоверных исторических сведений. Но местное предание уверяет, будто бы в этом доме останавливалась Марина Мнишек во время трёхдневного её пребывания в Пскове, после смерти первого самозванца». А в примечании граф Толстой сделал оговорку: «Сколько мне известно, История не упоминает, чтобы Марина была когда-нибудь во Пскове».

Чтобы у нас на этот счет не было сомнений, проследим, в каких местах побывала Марина Мнишек и что связывало Псков с Лжедмитриями.

Монах Григорий Отрепьев, бежавший из московского Чудова монастыря, добрался до Польши в начале 1602 года. Через год он объявил себя чудом спасшимся царевичем Дмитрием Ивановичем и попал к сандомирскому воеводе Юрию Мнишеку. Он стал покровительствовать самозванцу, мечтая видеть свою дочь московской царицей. 25 мая 1604 года в доме Мнишека Лжедмитрий подписал клятвенное брачное обязательство взять Марину в жены после вступления на престол. Ей было тогда 16 лет.

Брачный договор предусматривал передачу жене двух больших государств - Великого Новгорода и Пскова «со всеми уездами, и с думными людьми, и с дворянами, и с детьми боярскими, и с попами, и со всеми приходами, и с пригородами, и с местами, и с селами, со всем владением...»¹ «Царевич»

Емелина Ольга Владимировна - искусствовед Псковского института «Спецпроектреставрация»

Левин Натан Феликсович - краевед

ИСТОРИЧЕСКАЯ МАРИНА МНИШЕВЪ.

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Развалины дворца Марины Мнишек.

обязался на этих землях ничем не владеть и ни во что не вмешиваться. А жена могла давать там своим служилым людям поместья и вотчины, устраивать монастыри, костёлы и школы римские, ставить епископов и попов латинских. Ей разрешалось и при себе держать католических священников. А Лжедмитрий обещал «накрепко промышляти, чтоб всё государство Московское в одну веру римскую всех привести и костелы римские устроить».

По брачному договору следовало сразу после воцарения выслать отцу невесты миллион злотых на уплату его долгов и для ускорения приезда его с дочерью в Москву. Сверх того, отдельной грамотой, составленной в Самборе 12 июня 1604 года, «Дмитрий Иванович, Божией милостию, царевич великой России» передавал Юрию Мнишеку и наследникам его «за любовь, милость, доброжелательство и склонность, которую нам явил и являть не перестает, в вечные времена» часть Смоленского и Северского княжеств.

Вступив в Москву 20 июня 1605 года, Лжедмитрий не раз высылал невесте и ее отцу деньги и богатые подарки, торопя их с выездом из Польши. Наконец в феврале следующего года они с двухтысячной свитой двинулись в путь. Дорога шла через Люблин, Брест, Минск, Оршу, а после переезда границы - через Смоленск, Вязьму, Можайск. 2 мая 1606 года Марина Мнишек въехала в Москву. Вопреки русским традициям, будущая царица не приняла православную веру. Через шесть дней состоялась сначала её коронация, затем - свадьба. (А не наоборот!)

Уже 17 мая заговорщики во главе с Василием Шуйским подняли народ на восстание, убили Лжедмитрия и многих поляков.

Бояре не позволили расправиться с «царицей» и её отцом. 26 августа их выслали в Ярославль и продержали там под надзором почти два года. В мае 1608 года им разрешили вернуться в Москву, а в августе, после заключения перемирия с Польшей, отправили на родину. Однако Лжедмитрий II послал за ними погоню. Их перехватили неподалёку от польской границы, в Бельском уезде, и 5 сентября привезли в Тушинский лагерь. Под давлением отца Марина Мнишек признала в «Тушинском воре» своего мужа.

За пять дней до этого псковичи, чтобы не допустить в город новгородцев со «свейскими немцами», открыли ворота воеводе Федору Плещееву с войсками, посланными Лжедмитрием II. На следующий день Псков присягал «царевичу Дмитрию Московскому» и более двух лет оставался верным этой присяге.

К тому времени среди тушинцев произошёл раскол. В начале 1610 года Лжедмитрий II и Марина Мнишек бежали в Калугу. Там в декабре его убили, а в январе 1611 года Марина родила сына Ивана. Вскоре она вышла замуж за влиятельного соратника Лжедмитрия II - атамана донских казаков Ивана Заруцкого, надеявшегося объявить царем ее сына, прозванного на Руси «воронком».

Уже 23 марта 1611 года в Ивангороде объявился Лжедмитрий III. Летом он с казаками полтора месяца безуспешно пытался взять Псков и ушел в Гдов при подходе шведов. Однако шведские и польские отряды так разорвали окрестности города, что псковичи признали Лжедмитрия III и 4 декабря впустили его в крепость. За это он получил кличку «псковского вора Сидорки». Заочно присягнул ему и Иван Заруцкий.

Своей грубостью, насилиями и развратом самозванец вскоре досадил всем и 18 мая пытался бежать. Его поймали, посадили в псковскую тюрьму, 1 июля 1612 года отравили под Москву и там убили.

Не исключено, что воспоминания о самозванцах способствовали появлению легенды о приезде в Псков Марины Мнишек.

С приближением народного ополчения Минина и Пожарского Заруцкий с казаками и Мариной Мнишек ушли из-под Москвы на юг. Осенью 1613 года они укрылись в Астрахани. Войска нового царя Михаила Романова весной вытеснили их на Яик. Попав в окружение, казаки в июне 1614 года выдали Заруцкого и Марину с сыном. В Москве Заруцкого посадили на кол, «царевича» Ивана повесили, а Марина вскоре «от болезни и с тоски по своей воле умерла» в тюрьме. Такими словами московский посол в Речи Посполитой пытался опровергнуть естественные подозрения в ее насильственной смерти.

Так что побывать в подаренном ей

Пскове Марине Мнишек не довелось, завести здесь католические порядки тоже не пришлось.

Легенда о «дворце Марины Мнишек» несостоятельна и потому, что к тому времени он не был ещё построен. Ю.П. Спегальский относил его постройку к началу 60-х годов XVII века. Современные исследователи более осторожно определяют время строительства палат - вторая половина того же века. К сожалению, не обнаружены документы, позволяющие установить и первого их владельца. Это породило немало различных версий.

Инженер-полковник Иван Федорович Годовиков подготовил «Описание и изображение древностей Псковской губернии» в те же годы, когда Князев составил «Указатель достопамятностей города Пскова», но привёл другое «тёмное предание, что хоромы эти были посадника Никиты Сарпунова, бывшего прихожанина Ново-Вознесенской церкви».

Состоятельные посадские люди, серебряных дел мастера Сарпуновы действительно жили тогда в Мокролуужской сотне², а по синодику церкви были её вкладчиками³, но это не доказывает, что они владели именно этими палатами. Главная заслуга Годовикова в том, что он сопроводил свою рукопись рисунками здания с разных сторон и чертежами трёх его этажей. Они воспроизведены в книге Спегальского и вместе с другими зарисовками находятся в древлехранилище Псковского музея-заповедника.

Фёдор Алексеевич Ушаков в «Описании к сборному плану Пскова» высказал предположение, что этим домом владели потомки посадника Романа, жившего в начале XV века. От его имени произошло название улицы - Романиха и всего участка - Романова горка.

Н.Ф. Окулич-Казарин в «Спутнике по древнему Пскову» привёл не только эти версии, но и ещё более невероятную легенду, якобы псковичи иногда называли дом «Ольгиной расправой», хотя «ко времени св. Ольги здание это относится, конечно, не может». Сам же Николай Фомич высказал новую «догадку: возможно, что в XVIII стол. эта развалина принадлежала тому же самому

Меньшикову», который тогда же владел домом Яковлева. Он пошёл и дальше, предположив даже: «а не могла ли впоследствии обывательская фантазия, желавшая придать таинственной и живописной руине романтический характер, переделать фамилию забытого купца Меньшикова в «Мнишек», благодаря созвучию имён?».

Впрочем, здесь речь идёт о XVIII веке и о владельцах палат. «Догадку» Окулича-Казарина через 50 лет развил Спегальский, назвав купцов Меншиковых не только владельцами, но и строителями четырёх палат на Романовой горке. Между тем, современные архивные изыскания не выявили документов о принадлежности Меншиковым «дворца Марины Мнишек». Доказательством общего собственника у всех палат Спегальский считал подземные ходы, соединявшие их. Однако натурные изыскания в т.н. «третьих палатах Меншиковых» не подтвердили, что из них в какую-либо сторону шёл подземный ход.

Пока самым ранним выявленным документом, относящимся к этому зданию, является купчая крепость от 27 сентября 1759 года.⁴ По ней псковские купцы Петр, Федор и Иван Яковлевичи Посниковы продали за 250 рублей каменное строение в Мокролуужской сотне Анисье Васильевне Вохиной — жене отставного провинциального секретаря Федора Федоровича Вохина. Ранее мать братьев Посниковых - вдова Авдотья Егоровна Посникова купила этот дом у псковского купца Семёна Фёдоровича Саброва.

Подробно указаны размеры его земельного участка: 22 с половиной сажени по Новой улице до проезжей улицы, шедшей к Златоустовскому монастырю, 31 сажень по улице к этому монастырю, 4 сажени поперек той же улицы и 40 сажень позади - от Златоустовской улицы до улицы от Торга к Красному Кресту. Заметим, что Новая улица, вскоре застроенная, тянулась западнее «дворца Марины Мнишек» к церкви Ново-го Вознесения почти параллельно Большой, ставшей позднее Губернаторской и затем улицей Некрасова. Именно Большая улица шла от торга к часовне Красного Креста. А проезжая улица к Златоустовскому монас-

тырю или проще - Златоустовская улица примерно соответствовала современному Комсомольскому переулку, но продолжалась и на запад по Романовой горке.

В купчей отмечено, что здание погорело в прошлом 1758 году и потому все палаты (помещения) стоят без кровель, печей, дверей, закрышек, шкафов, полов и вообще «без всякого убору». Вероятно, поэтому братья продали погоревшую постройку, не пожелав заниматься капитальным ремонтом.

Купчая содержала и перечень внутренних помещений: нижний этаж составляли две кладовые палаты с сенями между ними, на втором этаже тоже две палаты, которые до пожара были жилыми, и между ними сени, да маленькая палатка над крыльцом.

Следующие документы относятся уже к 40-м годам XIX века.⁵ В марте 1847 года псковский мещанин Семён Максимович Губанов заложил это домовладение статскому советнику Егору Матвеевичу Шаврову за 1429 рублей. В нём со стороны Губернаторской улицы появился ещё один каменный, но одноэтажный дом с четырьмя комнатами. Долг своевременно не был погашен, и в сентябре 1848 года заложенное имущество с публичных торгов купил титулярный советник барон Василий Медем.

Интересующий нас дом назван ветхим, но в жилых комнатах второго этажа и в мезонине ещё были деревянные полы, двери и потолки, кафельные и простые печи, тесовая крыша. Лицевой одноэтажный дом тоже требовал серьёзного ремонта. Очевидно, новый хозяин использовал для этого деревянный материал со старого «дворца». Оставшись без крыши, деревянных перекрытий и полов, старинное плитяное здание быстро разрушалось. Уже в следующем десятилетии А.С. Князев, граф Толстой и И.Ф. Годовиков говорили о развалинах древнего дома.

В 1862 году новым владельцем стал по наследству генерал-лейтенант барон Николай Васильевич Медем. И в дальнейшем хозяева менялись не раз. На живописные развалины, находившиеся в окружении садов на границе двух домовладений, они обращали мало внимания. Псковичи толком не знали, кому они принадлежат. Князев, к приме-

ру, считал, что «дворец Марины Мнишек» расположен в саду Биниса, а не барона Медема. Иван Иванович Василёв на общем собрании Псковского археологического общества (ПАО) 18 октября 1881 года вообще назвал это древнее каменное здание, находящееся между местами Капгер и Макарова, ничьим. Он предложил реставрировать эти палаты и поместить в них музей ПАО.⁶ Жаль, что такая красивая идея не имела последствий за отсутствием средств.

О безразличии хозяев исторического здания говорил в своих неопубликованных мемуарах псковский городской архитектор Фёдор Павлович Нестурх, живший в 90-е годы XIX века на втором этаже полукаменного дома вдовы генерал-лейтенанта Антонины Николаевны Капгер: «При квартире полагался маленький садик и, кроме того, ещё был общий большой сад, в котором на меже с соседями (генералом Макаровым) сохранились большие интересные развалины под названием «дворец Марины Мнишек». Здание это было, видимо, в несколько этажей. Со стороны сада оно завалено большой и высокой кучей строительных остатков, видимо, от его развалин. Эта куча в наше время была уже слежавшаяся, обросшая и производила впечатление почти естественной земляной насыпи. И все же по этой куче можно было пройти как бы в первый этаж, где помещения, особенно в правой стороне, в формах своих почти сохранились, а над этим этажом верхний этаж представлял собою уже настоящие развалины. Под условно первым этажом был, скажем условно, подвальный этаж, а под ним еще другой подвальный этаж. И я всегда считал, что если не было еще ниже этажей, что можно было бы узнать только специальным исследованием, то этот последний подвальный этаж и был настоящим подвальным этажом. Следующие же этажи вверх были 1, 2 и 3 этажи. Таким образом, довольно вероятно уже тогда было предположить, что здание это было не менее как в три этажа.

Что же касается до его конструкции и пропорций, то все внутренние помещения были перекрыты сводами, причем сохранившаяся комната в правой части второго этажа была перекрыта сомкнутым с распалубками сводом.

И вся комната по ее размерам и особенно по очертаниям прикрывающего ее свода, по окнам в ней была таких прекрасных пропорций, что, глядя на всё это, не раз думал, что с охотой обеими руками подписался бы под чертежами этой комнаты, да видимо, и всего дома.

Не к сожалению, а к несчастью скажу: меркантильная жизнь того времени, даже, казалось бы, богатых и высокообразованных лиц, как например владелица всего этого места Ант. Ник. Капгер, представительница высшей интеллигенции не только Пскова, а и Петербурга (вдова сенатора Капгера), - что нельзя было и заикаться о расходах на раскопки и обследование такого богатого памятника древнего зодчества».⁷

Современными натурными обследованиями предположения Нестурха о нескольких подвальных этажах не подтвердились. А третьим этажом этого здания была старинная светелка, переоборудованная в мансарду, с боковыми выходами на высокий деревянный чердак.

За ремонт и приспособление здания взялся не представитель знати, а прапорщик запаса, частный землемер Александр Николаевич Хитров. Судя по раскладочным ведомостям платежей с недвижимости, ежегодно публиковавшимся в «Псковских губернских ведомостях», земельный участок с двумя деревянными домами (двухэтажным и одноэтажным) перешел к нему в 1905-6 годах от дочери генерал-лейтенанта Павла Павловича Макарова. Уже в мае 1906 года Хитров вёл там какие-то строительные работы, возможно надстраивая одноэтажный деревянный дом.⁸

10 апреля 1907 года Хитрова приняли в ПАО. Тогда же он «просил общество разрешить ему ремонтировать на свой счет разрушающуюся оконную арку старинного здания, находящегося на его дворе, и устроить надо всем зданием, на свой же счет, толевою крышу. Упомянутая арка грозит падением на жилую веранду дома г. Хитрова. Здание это слывет в народе под именем «дворца Марины Мнишек», хотя, как известно, Марина Мнишек никогда во Пскове не бывала... При сличении этого здания с изображением его на чертеже Годовикова (1850-х или

1860-х годов) можно видеть, что между ними осталось очень мало сходства, ибо здание с тех пор успело превратиться в совершенную развалину.

Принимая во внимание: 1) что поддержание этого древнего здания весьма желательно и 2) что предложенные г. Хитровым работы нисколько не нарушат целостности здания и не изменят его форм, - общее собрание разрешило выдать г. Хитрову удостоверение в том, что Псковское Археологическое Общество не находит препятствий к производству упомянутых работ. Вместе с сим общее собрание поручило своему члену, инженеру В.Л.Назимову, наблюдать за этими работами.

Впоследствии оказалось, что между г. Хитровым и его соседями возникла тяжба о праве собственности на то место, где находится описанная развалина, каковая тяжба и препятствует до сих пор г. Хитрову приступить к началу предполагаемого ремонта.»⁹

Приписка о тяжбе за право собственности на земельный участок под развалинами относится к 1909 году, когда был опубликован цитируемый отчет ПАО за 1907 год. Претензии исходили, очевидно, от А.Н.Капгер, так как ее полукаменный двухэтажный дом перешел к дворянину, чиновнику особых поручений Казенной палаты, коллежскому советнику Мариану Иосифовичу Родзевичу только в 1910-11 годах.¹⁰ По раскладке 1913 года А.Н.Хитров платил налоги только за два деревянных двухэтажных дома, оцененных в 5616 рублей. В одном из них он разместил свое Бюро межевых и чертежных работ, выполнявшее с января 1910 года частные заказы.¹¹ Восстановление каменного «дворца Марины Мнишек» завершилось к середине 1913 года и сразу вызвало резкую критику выпускника столичного университета Александра Яковлевича Лихтермана, указывавшего через «Псковскую жизнь» на уродливую крышу, нелепую боковую пристройку...¹²

И действительно, Хитров не ограничился теми работами, о которых говорил в обращении к ПАО. Раньше главный фасад здания выходил на север, в сторону церкви Нового Вознесения. Там было высокое каменное крыльцо «на отлете», замененное в

XVIII веке более скромным пристенным крыльцом. У Хитрова главным стал противоположный, южный фасад, и там появилось новое крыльцо, а на стенах - лепной декор. Окна растесали, украсили новыми наличниками. Здание стало приземистым, так как обвалившиеся стены светелки не надстроили и плоское перекрытие начиналось прямо над ее окнами... В целом здание утратило старинный облик и мало отличалось от обыкновенных обывательских домов того времени. И все-таки следует признать, что произведенные работы спасли «дворец Марины Мнишек» от дальнейшего разрушения, а, может быть, и от гибели. Здание стало жилым, получило водопровод, автономную канализацию, печное отопление.

В послевоенные годы здесь жили работники реставрационных мастерских и молодые специалисты, ставшие сейчас нашими известными архитекторами (Ирина Голубева, Сергей Михайлов...), а в летнее время - археологи из Эрмитажа во главе с Василием Дмитриевичем Белецким. С 1984 года, когда обитатели дома получили благоустроенные квартиры, реставраторы и проектировщики под руководством Владимира Никитина превратили здание в свой клуб «Реставратор», провели первоочередные противоаварийные работы, благоустроили помещение.

Известное постановление Совета Министров СССР № 816 от 4 июля 1988 года

породило надежду на полную реставрацию и старинных палат Романовой горки. Их арендаторы были отселены, началось натурное обследование зданий, составление проектной документации. К 1991 году Псковский филиал института «Спецпроект-реставрация» составил проект работ по «дворцу Марины Мнишек». Он предусматривает возврат северной стороне здания роли главного фасада с устройством там лестницы, надстройку каменных стен до первоначальной высоты и соответствующий подъем крыши, восстановление старинных оконных и дверных проемов... Внутренние интерьеры здания предполагается приспособить под клуб реставраторов с устройством мастерских для любителей в полуподвальном этаже, лекционного и выставочного залов, музея реставрации и гостиной в верхних этажах.

Однако финансирование прекратилось и начатые работы приостановлены. Сейчас старинная купеческая палата, брошенная на произвол судьбы, производит тягостное впечатление.

Конечно, пока удалось выяснить далеко не все страницы истории «дворца Марины Мнишек». Но главной загадкой остается самый острый и актуальный вопрос: когда это многострадальное здание будет реставрировано?

Примечания

1. Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С.167-170.
2. РГАДА, ф.210, оп. Книги Новгородского стола, д.66, л. 72.
3. Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника. Псков, 1991. С. 58, 205-206.
4. РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 8845, л. 32.
5. ГАПО, ф. 55, оп. 1, ч. 1, д. 1694, л. 1-9.
6. «Псковский городской листок», 1881 г., 7 ноября;
«Псковские губернские ведомости», 1882 г., 27 ноября. С. 432.
7. ЦГАЛИ Украины в Киеве, личный фонд Нестурха,
8. «Псковский городской листок»,. 1906 г., 31 мая. С. 3.
9. Труды Псковского археологического общества за 1907-1908 гг. Псков, 1909. С. 147-148.
10. «Псковский голос», 1911 г., 24 июня. С. 3.
11. «Псковский голос», 1910 г., 15 января, 10 августа.
12. «Псковская жизнь», 1913 г., 18 июня, 17 сентября; 1914 г., 6 февраля.